6+

Как Иван-царевич у Бабы-Яги Зарю вызволил

Василий Рябов

Василий Рябов

Как Иван-царевич у Бабы-Яги Зарю вызволил

«Издательские решения»

Рябов В.

Как Иван-царевич у Бабы-Яги Зарю вызволил / В. Рябов — «Издательские решения»,

В царстве Дормидонта перестало наступать утро: Баба-Яга спрятала Зарю-Зарянницу, и мир погрузился во тьму. Два старших царевича попытались вернуть свет силой и хитростью, но не справились. Теперь надежда лишь на младшего — Ивана, у которого нет ни богатырской силы, ни коварных уловок. Сумеет ли он пройти испытания Бабы-Яги и узнать тайну, скрытую за вечной ночью? Волшебная сказка о том, что доброе сердце порой сильнее любого меча.

© Рябов В.
© Издательские решения

Содержание

Зачин 6
Как ночь не кончилась 7
Царь зовёт сыновей 8
Что приключилось с Фёдором и Петром 9
Три встречи Ивана 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Как Иван-царевич у Бабы-Яги Зарю вызволил

Василий Рябов

© Василий Рябов, 2026

ISBN 978-5-0071-7564-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Как Иван-царевич
у Бабы-Яги Зарю вызволил

Сказка в старинном русском ладу

Зачин

В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель, за тремя морями жил-был царь по имени Дормидонт. Правил он по правде, землю берёг, народ не обижал. Стояло его царство меж синих рек и зелёных лесов. Текли там, сказывали старики, реки молочные с кисельными берегами. А старики зря не скажут.

Было у царя три сына. Старшего звали Фёдор, среднего — Пётр, а младшего — Иван. Фёдор был силён: коня на скаку остановит, дуб из земли выдернет. Пётр был хитёр: за грош купит, за рубль продаст, а покупатель ещё спасибо скажет. А про Ивана в народе говорили: «Ни силы в нём особой, ни хитрости — одна лишь доброта». Только мудрые люди знают: в сказках иной раз на доброте всё и держится.

Жили они не тужили. Утром вставали — солнышко встречали, вечером ложились — звёзды считали. Да только не всякая жизнь ровно течёт. Приключилась однажды в том царстве такая беда, какой ни в песне не спеть, ни пером не описать. А впрочем, я вам её всё-таки расскажу.

Как ночь не кончилась

Село однажды красное солнышко за тёмный лес, как каждый вечер садится. Погорела на небе заря — и погасла. Наступила ночь. Обыкновенная, казалось бы, ночь: месяц, звёзды, сверчки в траве. Легли люди спать.

Выспались, встали, глядь в окошко — а за окошком темно-темно. Ждут-пождут: час прошёл, другой — не светает. Петухи на насестах головы под крылья спрятали, и ни один не запел. Коровы в хлевах мычат, не поймут, доить их пора или ещё нет. Вышли мужики в поле — а там ни зги не видно. Колосья в темноте поникли, цветы на лугах закрылись и опустили головки, словно малые дети, которых обманули.

Один день прошёл — всё ночь. Другой миновал — всё ночь. На третий день зажгли по всему царству лучины, свечи да лампады. Только что такое свечка против целого неба! Стали люди говорить шёпотом, будто боялись ещё большую беду накликать.

Собрал царь Дормидонт мудрецов, звездочётов, знахарей да книжников. Один бороду чешет, другой в книги заглядывает, третий на звёзды смотрит — а ответа не даёт никто. Уж все руками развели, как вдруг вошёл в палаты старик, старый-престарый: борода до пояса, а сам седой, будто его метель выткала. Звали его дед Пахом. Жил он на самом краю царства, в избёнке у леса.

— Царь-батюшка, — говорит дед, — не ищи в книгах того, чего в них не пишут. Не сама ночь у нас задержалась — Зарю нашу заперли. Заря-Зарянница, красная девица, каждое утро небесные ворота отворяет, солнышку дорогу метёт. Нет её — нет и утра. А заманить Зарю да запереть под силу одной-единственной хозяйке на всём белом свете.

— Кому же? — спросил царь.

Дед оглянулся, понизил голос, и все придвинулись поближе.

— Бабе-Яге, костяной ноге. Живёт она в самой глухомани, за рекой Смородиной, за Калиновым мостом, в избушке на курьих ножках. Не всякий туда дорогу сыщет, а кто сыщет — вернётся ли, не ведаю.

Царь зовёт сыновей

Крепко задумался царь Дормидонт, потом велел позвать сыновей и сказал:

— Дети мои, беда у нас великая. Кто из вас сходит за Калинов мост, к Бабе-Яге, и вернёт Зарю, тому отдам полцарства и своё отцовское благословение.

Первым выступил Фёдор. Грудь выпятил, плечи расправил, так что кафтан затрещал.

— Я поеду, батюшка! Возьму меч-кладенец да коня богатырского. Приеду к старой карге и скажу: «Отдавай Зарю, не то худо будет!» Испугается — отдаст. Не испугается — мечом пригрожу.

Следом Пётр прищурил глаз:

— А я, батюшка, хитростью. Я ей такую сказку наплету, что она сама Зарю на блюдечке вынесет да ещё и поклонится.

Тут и Иван сказал тихонько:

— Отпусти и меня, батюшка.

Засмеялись старшие братья:

— Куда тебе, Иванушка! Ты и мухи не обидишь. Сиди дома, пряники жуй.

А царь посмотрел на младшего сына долгим взглядом. Много лет прожил он на свете и знал: бывает, что и мышка льва выручит.

— Ступайте все трое, — сказал он. — Каждый своей дорогой.

Стали сыновья собираться. Фёдор надел булатную броню, Пётр набил кошель заморскими диковинками на подарки, а Иван зашёл к матушке-царице. Она долго глядела на сына, потом положила ему в котомку то, что сердце подсказало: пшеничный калач, кусок сливочного масла в чистой тряпице, вяленую рыбку да красную ленту, которую сама когда-то, ещё девушкой, вплетала в косу.

— Пригодится, — сказала царица. — В дороге всё пригодится, коли от чистого сердца дано.

Поклонился Иван матушке, вышел на крыльцо — а братьев и след простыл. Только подковы по камню простучали и затихли в темноте.

Что приключилось с Фёдором и Петром

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Ехали старшие братья день, ехали другой — лесом дремучим, где ели стоят стеной, где и ветер не гуляет. На третьи сутки добрались до частокола. Только был тот частокол не из брёвен, а из костей: на каждом колу торчал череп, и в глазницах у черепов горел огонь. От тех огней и видно было дорогу.

Фёдор не струсил. Подъехал к воротам и как рявкнет:

— Эй ты, старая, костяная! Выходи, отдавай Зарю!

Заскрипели ворота хриплым, сердитым голосом. Фёдор ударил их кулаком, а ворота прищемили ему пальцы. Кинулся дворовый пёс — вцепился в сапог. Берёза у избушки хлестнула молодца ветками по лицу, а из окна выглянул огромный чёрный кот, выгнул спину и зашипел.

Тут Пётр, который считал себя хитрее, забежал вперёд, снял шапку и поклонился избушке. Только кланялся он не от сердца, а с расчётом. И сладким-пресладким голосом завёл:

— Красавица наша, матушка, свет наш ясный…

Да ведь избушка на курьих ножках ложь за версту чует. Дверь распахнулась, и вылетела оттуда Баба-Яга в железной ступе: пестом погоняет, помелом след заметает. Нос крючком, волосы — как пакля, глаза — угольки горячие.

— Кто в моём лесу шумит? Кто в моём дворе безобразничает? Один ворота ломает, другой мёдом мажет, а у самого на языке яд!

Дунула Яга, плюнула, махнула пестом — и обернулись оба царевича серыми камнями у самого частокола. Сидят, дождём поливаются, мхом обрастают.

— Посидите, — сказала Яга. — Поостынете, поумнеете. Глядишь, к весне и вежеству научитесь.

И полетела в своей ступе обратно в избу.

Три встречи Ивана

А Иван-царевич пошёл пешком. Коня брать не стал: конь в лесу шумит, а в гости лучше приходить тихо. Повесил лук за спину, чтобы без ужина не остаться, котомку — через плечо и пошёл тропой, по которой мало кто хаживал. Лес становился всё гуще, а тьма — всё непроглядnee.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.